

Какое общество нам нужно: открытое? информационное? гражданское?

Марк РАЦ, заместитель директора Института стратегических оценок

У нас в стране образовался целый клан профессиональных плакальщиков, которые регулярно выступают в средствах массовой информации с воплями на тему о том, что потеряна знаменитая российская духовность. И по этой причине происходят все наши неприятности. И где же ее, эту "потерянную духовность", найти? Был такой замечательный немецкий философ Макс Шелер, который в 20–х годах нашего века, занимаясь специально этой темой, писал, что духовность представляется как некая особая рефлексивная организация собственного мышления. В европейской традиции рефлексия мыслится как способность "вынуться" из той деятельностной ситуации, в которой мы находимся. Допустим, из нашей служебной ситуации. И посмотреть на нее, на эту ситуацию, и на самого себя в ней как бы со стороны, критически осмыслив при этом методы, средства и формы организации работы, которые мы используем в своей жизни, в частности, в производственной деятельности. Так вот, если такая рефлексивная организация присутствует, то тем самым присутствует и духовность. А если способность к рефлексии утеряна, то вместе с ней утеряна так называемая духовность. И утеряна безвозвратно до тех пор, пока не вернется способность к рефлексии.

Для меня основная мировоззренческая предпосылка в данном контексте состоит в следующем. У нас в России есть такой сакраментальный вопрос: "Что делать?", на который мы более или менее безуспешно отвечаем, по крайней мере 100 лет, со времен Чернышевского. Существует еще классический вопрос о том, как устроен мир. И, наконец, есть третий вопрос, который я поставил бы в один ряд с первыми двумя. Это вопрос о том, как добиваться поставленных нами целей. Или вопрос о методах и средствах нашей деятельности.

У нас и во всем мире принято мыслить таким образом, что эти три вопроса существуют как бы отдельно друг от друга. На вопрос "Что делать?" отвечают политики. На вопрос о том, как устроен мир, отвечают ученые. Это наука знает, как устроен мир на самом деле. Наука способна преподать нам истину и рассказать о том, как оно все есть в действительности. А вопрос о методах и средствах ставить в один ряд с двумя первыми не принято. Он обычно так, между прочим, существует как бы внутри вопроса "Что делать?". Отвечая на него, заодно, дескать, и разберемся с вопросом "Как делать?".

Заслуга Московского методологического кружка заключается в доказательстве того, что на три упомянутых вопроса нельзя отвечать по отдельности. Как только мы начинаем обсуждать отдельно взятый вопрос о том, как устроен мир, мы превращаемся в ученых, начинаем думать, что мы боги или, по крайней мере, находимся на уровне господина Бога, которому известно, как устроен мир на самом деле, и готовы поучать людей на тему о том, как им жить. Эта позиция мне глубоко чужда. Это позиция, против которой я категорически выступаю.

Я говорю, что бессмысленно обсуждать вопрос о том, как устроен мир, отдельно от двух других вопросов. Потому что в зависимости от того, что мы собираемся делать, мир будет поворачиваться к нам тем или иным боком. И нам придется мыслить его устройство совершенно по-разному. Точно так же в зависимости от того, какими средствами мы располагаем, как мы собираемся добиваться тех или иных целей, мы получим те или иные результаты. Причем, если речь идет о мало-мальски серьезных общественно значимых преобразованиях, то получаемые результаты зависят не только и не столько от заранее ставящихся целей, сколько от тех методов и средств, которые мы используем для их достижения. Какие методы – такие и результаты.

Благие намерения мало что стоят. Большевики хотели построить коммунизм совершенно искренне. У меня нет никаких оснований сомневаться в том, что Ленин или Дзержинский хотели счастья всему прогрессивному человечеству. Действительно хотели. Они только не думали о тех методах и средствах, которые при этом будут использоваться. И поэтому вместо коммунизма получилось то, что мы проходили, и то, что хорошо помним. Я подозреваю, что США и страны НАТО, бомбя Югославию, хотели, чтобы там на самом деле были мир и благоденствие. Они только не думали о том, как добиться этого мира и благоденствия. Поэтому получается не мир, а война. И так получается всегда и везде, поскольку мы не имеем обыкновения рефлексировать и критически оценивать методы и средства своей профессиональной деятельности. Поэтому мы не профессионалы, а в лучшем случае – специалисты. А это совершенно разные вещи.

В связи с этим возникает вопрос: "Какое общество нам нужно: открытое? гражданское? информационное?". Этот ряд можно продолжать до бесконечности: постиндустриальное,

потребительское, общество всеобщего благоденствия... Этих наименований современного общества существует по крайней мере несколько десятков. И каждое из них указывает на какую-то сторону дела. Но я подозреваю, что может быть даже ни одно из них (этих наименований) не схватывает сути дела в целом.

А насколько вообще осмысленна такая постановка вопроса? Есть ли у нас возможности (методы и средства) свободного выбора типа общественного устройства? Мы что, можем как-то повлиять на это общественное устройство? Или, может быть, оно возникает, естественно-историческим образом и совершенно от нас не зависит? Есть у России некая судьба, как принято говорить. И что судьбой дано, так оно и будет. Мы можем только отражать это в своих писаниях, в передачах по телевизору и по радио. И ничего не можем сделать. Потому что это во власти не человека, а господ Бога. Я бы в связи с этим противопоставил такую фаталистическую позицию и позицию большевиков, которые, как известно, могли взять любые крепости. И никаких проблем не было. Все что угодно они делали искусственно-техническим образом. Надо было построить ДнепроГЭС и Магнитку – брали и строили ДнепроГЭС и Магнитку, которые, кстати сказать, формировали нежизнеспособную хозяйственную систему. Тогда и в голову не приходило сомневаться в целесообразности этого строительства. Это мы теперь расхлебываем плоды такого чисто искусственно-технического подхода.

Я думаю, что не правы ни те, ни другие. Наверное, существует некая золотая середина, которая задается не чисто искусственным подходом и не чисто естественным полаганием, что все происходящее в обществе происходит по неким объективным законам истории.

Есть такое выражение "железные законы истории". Однако в истории никаких законов нет: ни железных, ни деревянных. История вообще не законосообразна, как и всякая эволюция.

Я противопоставил бы затем новаторство и традицию. Это общепринятое противопоставление, но, используя его, тоже не стоит впадать в крайности. Вряд ли можно хорошо устроить жизнь, непрерывно обновляя существующие системы, методы и средства нашей деятельности, формы ее организации и т.д. и наплевав на историю и традицию. Как в значительной мере и действовали большевики. Но, с другой стороны, трудно надеяться на хорошую жизнь, оставаясь в рамках чистой традиции и не привнося в жизнь ничего нового, не меняя ничего, только сохраняя и воспроизводя то, что уже сложилось и функционирует к сегодняшнему дню.

И в связи с этим приходится заниматься уж совсем абстрактными вопросами. Приходится обсуждать, с одной стороны, противопоставление искусственного и естественного, а с другой, – природного и технического. Природное и техническое обозначает происхождение обсуждаемого объекта, который может быть либо творением господ Бога (если мы в него верим), либо творением природы и эволюции (если мы эволюционисты). Либо может быть произведением рук человеческих – соответственно техническим объектом. Это есть характеристика любого объекта, любой вещи, любого предмета, который мы возьмем, совершенно независимо от того, о чем идет речь. Понятно, что табуретку сделал человек, а цветок вырос независимо от человека или Бог вырастил его независимо от человека в лесу.

А вот искусственное и естественное – это принципиально другая оппозиция. Ничто само по себе не может мыслиться как искусственное или естественное. Любой объект может представляться нами как искусственный или как естественный в зависимости от того, что мы собираемся сделать и как мы к нему относимся. Первично отношение, а характеристика искусственного или естественного вторична.

Скажем, самолет в противоположность птице есть объект технический. Но то, что он является объектом искусственным, а птица естественным – по крайней мере сомнительно. Потому что для пассажира самолет такое же естественное средство передвижения, как такси или лошадь в прежние времена. Для авиаконструктора это, конечно, искусственное произведение рук человеческих. Для естествоиспытателя жаворонок, летающий в небе, конечно, природный и естественный объект. А для работников птицеводческой фабрики цыпляток в инкубаторе есть совершенно искусственное произведение. Эту птицу производят на убой, производят искусственно, техническим образом. Если применительно к птицам или самолетам все эти рассуждения носят чисто иллюстративный характер, то применительно к человеку и человеческому обществу все это оказывается вполне практическим и чрезвычайно важным. Эти обстоятельства необходимо учитывать, потому что без их учета понять, что происходит с нами и вокруг нас, вообще невозможно. Этому не учат ни в школе, ни в вузе.

Между тем, у человека и у человеческого общества есть важная особенность, с упоминания о которой я начал, а именно – наличие способности к рефлексии и мышлению. Если не актуальное наличие, то, по крайней мере, потенциальное. Все мы, по идее, способны рефлексировать и

способны мыслить. Если же эта способность у нас частично редуцировалась или атрофировалась, то можно искусственно, технически озаботиться тем, чтобы ее реанимировать, возродить и развивать дальше. Все в руках человеческих.

В отличие от объектов природных, знания об обществе и человеке, которые мы получаем, влияют на сам объект – на нас и на общество, в котором мы живем. Есть такой совершенно классический пример, который мы все хорошо знаем, но о котором всерьез мало кто задумывается. Это пример критики капитализма середины прошлого века Марксом. Если посмотреть на историю Западной Европы и Америки в свете критики капитализма Марксом и его коллегами, то выясняется, что капитализм, который критиковал Маркс, давно исчез с лица Земли. Ничего похожего на объект критики Маркса, ничего похожего на то, что мы можем прочесть в романах Диккенса или Бальзака, уже лет сто как не существует. Капитализм полностью переродился. Это совершенно другая система. Она стала другой в значительной степени благодаря тем знаниям, которые выработал Маркс. И благодаря тем критическим работам, которые были опубликованы, стали общедоступными и были учтены, соответственно, политиками, экономистами и т.д. в последующие 150 лет.

Этот пример я привожу не случайно. Я его привожу в подтверждение тезиса о том, что мы можем повлиять на устройство общества, в котором мы живем. Только, во-первых, при этом надо очень жестко и четко рефлексировать те методы и средства, которые мы собираемся использовать для влияния на наше общество. И, во-вторых, не надо спешить. Общественные системы не меняются по мановению волшебной палочки. Сделать из тоталитарной советской системы современное открытое общество, возродить в России гражданское общество, которое только начало зарождаться в конце XIX – начале XX веков, сделать это все в течение 500 дней или даже десяти лет невозможно в принципе. И наши замечательные реформаторы, которые хотели это сделать, – ровно такие же большевики, как те, которые устраивали революцию в 1917 году. Понимать эти обстоятельства и в первую очередь понимать их журналистам и всем тем, кто работает в сфере массовых коммуникаций или образования, необходимо.

Вопрос следующий. Если мы все-таки можем каким-то образом повлиять на состояние общественного строя в России, то возникает желание подумать на тему о том, а какие, вообще говоря, мыслимы системы общественного устройства? Мы что, будем выбирать, как выбирал Владимир Ильич Ленин, уже опоздавший на 50 лет по отношению к Марксу, между капитализмом и социализмом? Между красными и белыми? Или, может быть, мы будем выбирать между системой, отстаиваемой так называемыми "демократами", в противоположность так называемым "патриотам"? Тоже замечательная оппозиция: с одной стороны – красные и белые, с другой стороны – демократы и патриоты. Как будто одно мешает другому.

Я попробую ввести представления о возможных типах общественного устройства, апеллируя к одной из разработок Московского методологического кружка, которая касается так называемых "сферных процессов". Эти сферные процессы возникают в связи с тем рядом оппозиций, которые я начал обсуждать, говоря о процессах воспроизводства и сохранения того, что мы имеем на сегодняшний день, о новациях и преобразованиях того, что мы имеем, и т.д. И мы можем выписать все эти процессы в ряд попарно вот таким образом: · воспроизводство – производство;

- функционирование – развитие;
- отмирание старого – зарождение нового;
- руководство – управление.

И существует организация, которая обеспечивает одновременное протекание всех этих сферных процессов в обществе, которая называется "сферная организация".

На приведенном ниже рисунке показана схема филогении общественных систем.

На оси X символически изображены процессы воспроизводства, функционирования и производства (сохранение стабильности). На оси Y изображены процессы отмирания старого и зарождение нового (всякого рода изменения, происходящие в обществе). На оси Z изображены процессы организации, руководства и управления. На горизонтальной плоскости XY все происходит само собой, естественным образом. А на вертикальной оси Z присутствует искусственно-техническое начало: то, что делают люди, то, что без участия людей не произойдет никоим образом.

На кубике три стрелки идут через координатные плоскости.

Нижняя стрелка (в плоскости XY) изображает процесс естественной эволюции, при которой все

само собой меняется. Отмирает старое, зарождается новое на фоне благополучно текущих процессов воспроизводства, функционирования и производства. Общество, которое характеризуется процессом естественной эволюции и в котором отсутствуют управленческие, искусственно–технические начала. Такое общество Джордж Сорос предлагал называть "органическим". Органическое общество с традиционным мышлением – общество папуасов в Новой Гвинее 200 лет назад.

Стрелка, идущая в плоскости YZ, может быть обозначена хорошо нам знакомым словом "перестройка". Отмирание старого и зарождение нового осуществляются здесь искусственно–технически. При этом, поскольку стрелка находится в плоскости YZ, $X = 0$, процессы воспроизводства, производства и функционирования как бы отсутствуют. Умираем с голоду, но перестраиваемся. Это то, что Троцкий называл "перманентной революцией". Общества, которое жило бы в порядке перманентной революции, помыслить себе нельзя, поскольку люди там с голоду умрут. Это чисто символическое изображение того, как жить нельзя и как мы жили в бурную эпоху реформ.

Стрелка, идущая в плоскости XZ, означает процессы регулирования, т.е. искусственно–технических перемен в процессах воспроизводства, функционирования и развития. При том, что структура неизменна: ничто не умирает, ничто новое не зарождается.

Регулируются только уже текущие процессы. В данном случае мы имеем дело с тоталитарным обществом, или закрытым обществом в отличие от органического. Здесь все процессы происходят не естественно, а искусственно–технически. Здесь процессы воспроизводства, функционирования и производства обеспечивает руководство. И точно так же, как в Новой Гвинее 200 лет назад, в первую голову оно озабочено тем, как бы чего не изменилось. Поэтому процессы отмирания старого и зарождения нового категорически запрещены. Это то, что мы имели в Советском Союзе. Все должно было быть стабильным.

Стрелка R идет в пространстве в угол кубика и, следовательно, не лежит ни в какой из координатных плоскостей. Эта стрелка может быть маркирована как стрелка развития в отличие от эволюции. А внутреннее пространство в этих координатных плоскостях, исключая сами плоскости, может быть маркировано как пространство, изображающее открытое общество в отличие от закрытого, органического или невозможного общества перманентной революции.

В чем смысл этой самой открытости? И почему открытое общество таким образом называется? Начать можно с того, что саму эту идею предложил замечательный австрийский, а впоследствии английский философ Карл Поппер, который эмигрировал из Австрии после прихода к власти Гитлера. Книга его "Открытое общество и его враги" была издана в 40–х годах и переведена на русский язык впервые в 1992 году. При советской власти такие книги было читать не положено.

Так вот, смысл, идея открытого общества, как я его понимаю, состоит в том, что это общество открыто своему будущему в отличие от той трактовки, которую придают понятию открытого общества его противники, которые говорят о том, что открытое общество это открытые рынки. Если границы открыты, то система сливается со своей средой и перестает существовать как таковая. Границы всегда существуют и всегда более или менее закрыты. А вот будущему это общество открыто. Оно открыто переменам, с одной стороны. И, с другой стороны, оно, соответственно, открыто пониманию и исправлению собственных ошибок. Это общество, в котором господствуют рефлексия и критическое мышление. И если люди понимают, что они сделали что–то неправильно, в чем–то ошиблись, то они немедленно эти ошибки исправляют.

Я бы здесь воспользовался метафорой пути в отличие от дороги. Дорога ведет из пункта А в пункт Б. И если мы вступили на эту дорогу, то мы наперед знаем, куда мы придем или приедем. А путь – это совсем другая штука, поскольку путь начинается в той точке, где мы делаем первый шаг. Мы ее, конечно, можем маркировать как точку А. Но точка Б от этого не появится, поскольку путь ведет в неизвестность. Мы можем наметить себе ориентиры движения, можем выбрать на небе путеводную звезду и двигаться сообразно положению этой путеводной звезды. Но куда приведет нас путь – наперед никогда не известно. Вот открытое общество – это общество, которое идет своим путем. И у каждой страны, у каждого народа путь свой. И все разговоры об особом пути России – это полная бессмыслица. Потому что свой путь есть у каждой страны, у каждого народа. И чужим путем пройти нельзя. Как показывает опыт – не получается. Нельзя заимствовать готовые формы демократической организации жизни во Франции или в Германии и искусственно насадить их в России.

Общественные системы – это не стиральная машина. Нельзя одну деталь заменить другой деталью. И тем более таким образом, как это стремятся делать наши реформаторы, когда они

пытаются заменить детали из стиральной машины деталями из швейной машины или из пулемета. Естественно, оно ни стирать, ни стрелять не будет. Будет только ломаться.

Был такой замечательный американский мыслитель – Пол Фейерабенд, который прославился своими нападками на науку. На самом деле его критические наработки в области методологии науки не оставляют камня на камне от привычных нам представлений о том, как устроен мир и как наука "отражает" это устройство мира и рассказывает нам о том, как все на самом деле есть. Так вот, Полу Фейерабенду принадлежит замечательная идея свободного общества в отличие от открытого общества Карла Поппера. Идея свободного общества Фейерабенда, который по натуре своей был анархистом, состоит в том, что в свободном обществе всем традициям открыта дорога к власти. Это значит, что традиция хорошо воспитывать, умыть детей и держать их в чистоте, холить и лелеять имеет ровно такие же права, как и традиция поедать этих детей, пока они еще не выросли и пока их мясо еще свеженькое. Традиции каннибализма и любви к детям имеют равные права, так же как и все другие, поскольку общество свободно. Никто и ничто не имеет никаких преимуществ перед другими. В отличие от этого открытое общество предполагает наличие жестких рамок, которые обеспечивают неравенство и неравные возможности доступа разных традиций к центрам власти. Традиции любви к детям предпочтительнее по сравнению с традициями каннибализма. И эти предпочтения реализуются посредством задействования, во-первых, рамок диалога, которые обозначают, что все люди, все народы разные. Каждый имеет право на свою правду, но никто не имеет права объявлять свою правду истиной. Правд ровно столько, сколько людей. И у каждого – своя. А дальше мы можем обсуждать наши правды и посредством диалога решать возникающие при этом трудности и проблемы, если таковые удастся зафиксировать.

Вторая рамка реализации предпочтений есть предельная рамка коммуникации, или диалога в конфликтной ситуации. Речь идет о рамке права. Если в процессе диалога, в процессе обсуждения наших разногласий нам не удастся выработать некую обоюдоприемлемую точку зрения, тогда мы идем в суд. И суд решает согласно праву, как надлежит действовать в данной конфликтной ситуации. При этом никто ни в кого не стреляет: ни килеров нет, ни войны нет – за ненужностью. Поскольку есть рамка права. А когда рамки права нет, тогда начинают стрелять.

Об открытом обществе можно говорить очень много и долго, но я сейчас перейду к другой характеристике общественных систем.

сейчас буду обсуждать оппозицию, которая на рисунке изображена в виде линии, идущей поперек, ортогонально противопоставлению открытого и закрытого общества. И я утверждаю такую странную вещь, что противопоставление либеральной и социально-демократической политической ориентации ортогонально противопоставлению открытого и закрытого общества.

Еще в советские времена американцы считали, что в Западной Европе господствует социализм, не советского типа, конечно, но, тем не менее, социализм. И не без оснований. Потому что, действительно, западно-европейская система ближе к социал-демократической, нежели к либеральной. И с американской точки зрения вполне можно было назвать ее социалистической.

Что происходит в закрытом обществе? В закрытом обществе, естественно, и идеи либерализма, и идеи социал-демократии редуцируются, вырождаются и превращаются в нечто совершенно иное. Идеи, либеральные по сути, могут жить только в сфере хозяйства – возможна рыночная экономика. И в этом смысле закрытое общество может считаться либеральным. Хотя при этом во главе этого общества может стоять фюрер, которого зовут Гитлер или Муссолини. И наоборот, социал-демократическая ориентация в закрытом обществе вырождается ровно в то, что мы имели в Советском Союзе. Здесь уже нет экономической организации хозяйства, так называемой "рыночной экономики". (Это, кстати, то же самое, что масло масляное. Потому что экономика бывает только рыночной.

Хозяйство бывает разным. А экономика бывает только рыночной. И никакой другой она не может быть в принципе.) Как показывает опыт истории, в открытом обществе более или менее периодически происходят колебания господствующих политических ориентаций между либерализмом и социал-демократией. Не так давно была рейганомика и тэтчеризм. Маятник качнулся в сторону либерализма. Сейчас пришли к власти в большинстве западных стран социал-демократы. Маятник, соответственно, качнулся в социал-демократическую сторону. И это пройдет, качнется назад. Так и будет качаться тихо, мирно, как в хорошо налаженных часах. И это есть нормальный образ жизни нормального цивилизованного общества, которое открыто своему будущему и которое понимает, что перестарались с национализацией и социал-демократией – давайте быстро приватизируем банковскую систему и железные дороги. И наоборот. В зависимости от конкретной ситуации, которая складывается в той или иной стране в тот или иной исторический момент.

В открытом обществе существует еще удивительная штука, называемая (по-моему, это термин немецкого обществоведа и философа Хабермаса) конституционным патриотизмом. Это по поводу наших так называемых "национал-патриотов". Президенту Чехии Вацлаву Гавелу принадлежит такая замечательная мысль. "Понятие Родины, – говорил Гавел в интервью Адаму Михнику несколько лет назад, – задается не одной какой-нибудь идеей (национальной, культурной, конфессиональной, исторической, географической), а обязательно множеством такого рода идей. Как только одна из них начинает выпячиваться в ущерб другим – это грозит самыми страшными бедами и несчастьями". Я убежден, что это самая глубокая и важная мысль, которая была высказана в XX веке в сфере общественных наук, хотя она никакая не научная. А это вроде бы элементарное соображение здравого смысла, которое подытоживает опыт всей человеческой истории и подтверждается ежедневно и повсеместно. Как только начинает выпячиваться какая-то одна идея, так сразу начинают стрелять.

И отсюда идея конституционного патриотизма. Не Россия для русских, а Россия для граждан России совершенно независимо от того, русские они, татары или калмыки, буддисты, православные или мусульмане.

Открытое общество несовместимо с идеей империи. Если страна устроена таким образом, что объединяет разные народы, разные регионы с разными культурно-историческими особенностями, с разной организацией хозяйства, то эти разные единицы (они в различных странах называются по-разному: в Швейцарии кантоны, в Германии земли, в Соединенных Штатах Америки штаты, у нас они называются субъектами Федерации) собираются вместе в форме федерации или конфедерации, как в Швейцарии, но ни коим образом не в форме империи, поскольку империя – это всегда закрытое общество. Но если федерация, – давайте тогда и жить соответственно "федеральным образам". Давайте предоставим нашим субъектам федерации соответствующие права на организацию собственной жизни в тех самых общих рамках диалога и права, которые были обозначены и которые наряду с рамкой конституционного патриотизма обеспечивают единство страны. Если, скажем, мы хотим организовывать какие-то крупномасштабные преобразования в России, то центр может задать концепцию этих преобразований, задать как бы идейные установки и рамки. А программу их каждый регион должен вырабатывать для себя сам. Смешно даже представить себе, что Камчатка и Москва будут по одной и той же программе вести какие-то хозяйственные или общественные преобразования. Такого помыслить нельзя, поскольку у этих регионов единственное общее то, что и тот и другой – части России, а все остальное у них разное.

Самое главное для нас различие между открытым и закрытым обществом относится к сфере политики. И состоит оно в том, что в открытом обществе может быть и бывает политическая система. Политическая система мыслится как система конкурирующих организационно-управленческих центров, или конкурирующих организационно-управленческих программ. У Явлинского одна программа, у Зюганова – другая программа. Конкурируя между собой, они конституируют политическую систему.

В закрытом обществе политической системы не может быть в принципе. Политической системы в том смысле, о котором я сейчас сказал. В закрытом обществе политика имеет совершенно другой смысл и совершенно другое значение. Там политика есть борьба за власть. Как нас учил Владимир Ильич Ленин и одновременно с ним замечательный фашистский философ Карл Шмидт. (Хотя он и был фашистом, но был глубочайшим мыслителем в отличие от Ленина, который был политиком-практиком.) Шмидт развил целую теорию о политике как борьбе за власть; о политике, основанной на оппозиции друг-враг, а не на оппозиции оргуправленческих программ, которые все находятся в рамках права. В открытом обществе политика существует в рамках права и никак иначе. А тех, кто выходит за рамки права, отдают под суд со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В современной России, к сожалению, пока что доминирует политиканство. У большинства наших так называемых политиков никаких идей нет, а есть единственное желание – дорваться до кормушки, дорваться до власти.

И последнее обстоятельство, которое я бы здесь специально подчеркнул, состоит в том, что открытое общество предполагает сильное государство, но сильное, прежде всего, в интеллектуальном отношении. Во главе открытого общества не могут стоять люди, которые двух слов связать не в состоянии. Во главе открытого демократического общества стоят доктора философии. И их обслуживает целая армия докторов философии, экономики, социологии и т.д., и т.п. И все эти интеллектуалы задействованы в системе государственного устройства, в системе управления правовым демократическим государством. Они разрабатывают концепции, программы, непрерывно рефлектируют свои методы и средства, пересматривают их по мере необходимости, приводят в соответствие с меняющейся исторической ситуацией.

Все это противопоставление открытого общества закрытому касается представления об открытом обществе как о некоем идеальном типе. В свое время великий немецкий мыслитель Макс Вебер ввел представление о так называемых "идеальных типах", имея в виду то, чего в жизни не бывает, а придумывается человеком как некая идеальная схема и идеальная конструкция, как очки, сквозь которые только и можно смотреть на реальную жизнь. Потому что в реальной жизни все перепутано и перемешено. И там не бывает таких чистых форм, которые Вебер назвал идеальными типами. А для того, чтобы разобраться в мешанине, которую мы имеем в жизни, и нужны эти самые схемы и представления об идеальных объектах, или идеальных типах.

Если возникает желание поразмышлять на тему о том, как устроено открытое общество, каково его внутреннее устройство в отличие от закрытого, то мы уже уходим от веберовского идеального типа к тому, что называется общественным идеалом. То, что называлось коммунизмом, – это был такой общественный идеал. Правда, общественный идеал очень странного свойства: ведь, помимо того, что всем при коммунизме будет хорошо и что это светлое будущее всего человечества, ничего толком о коммунизме не сообщалось.

Неизвестно было, как будет устроен внутри себя этот коммунистический идеал. Чтобы не повторять этой истории, желательно задуматься о том, как устроено или как может быть устроено открытое общество. И тогда мы вынуждены апеллировать к тому, что видим в реальной жизни, к тому, что называется уроками истории.

Сегодня нечто вроде открытого общества организуется в неких формах, однако нет никаких гарантий, что через 50 лет открытое общество будет существовать в тех же формах. Они могут смениться может быть через 50 лет, может быть через 100 лет. Этого никто не знает. Но сам тот факт, что мы эти формы рефлектируем, выкладываем на доску, обсуждаем и анализируем, наверное приведет к тому, что эти формы изменятся, поскольку они уже узнаются людьми. Мы знаем, что если люди что-то начинают понимать про себя и свое общество, то они и это общество начинают меняться. Так вот, на сегодня открытое общество представляется во всех известных мне случаях триадой: гражданское общество, правовое государство и рыночное хозяйство. Эти три элемента оказываются необходимыми составными частями, необходимыми подсистемами открытого общества, открытого общественного устройства (будем говорить так, чтобы не путать открытое общество и гражданское общество).

Здесь некоторая неувязка состоит в том, что термин "гражданское общество" гораздо более старый, нежели термин "открытое общество" – ему более 150 лет. И происходит неприятная накладка, когда путается гражданское общество и открытое общество. Я это представляю таким образом, что гражданское общество есть подсистема открытого общественного устройства, которая может существовать только в паре с правовым государством. Мы можем сколько угодно толочь воду в ступе по поводу того, что в России есть демократическое, правовое, социальное и не помню еще какое государство, как у нас в Конституции записано. Но никакого правового государства в России нет и не будет до тех пор, пока в России не будет гражданского общества. А гражданского общества в России нет сегодня, поскольку если бы оно было, не было бы войны в Чечне, например.

Формирование гражданского общества есть прямая задача журналистов. Основная функция средств массовой информации – это содействие формированию гражданского общества и, соответственно, правового государства. И то, что делается в газетах, на телевидении и на радио, свидетельствует о том, что уровень подготовки наших журналистов, уровень их образования совершенно не соответствуют тем задачам, которые сегодня стоят перед журналистами России.

И дальше интересная коллизия с рыночным хозяйством. Все десять лет, которые прошли со времен падения Берлинской стены, или восемь лет, прошедшие с ликвидации советской системы, мы занимались так называемыми рыночными реформами. И что? Ничего.

Кроме бардака в стране, ничего хорошего пока что из этого не получилось. Но, правда, некоторое количество предпринимателей и бизнесменов сформировалось. Если считать, что они не все бандиты и жулики, если полагать, что среди них есть и порядочные люди, то это – крупное достижение. Это можно записать в актив нашим реформам. А что касается всего остального, то боюсь, что больше негативного, чем позитивного. И думаю, что это не случайно. Потому что, как я уже говорил, рыночное хозяйство было и в фашистской Германии, и во франкистской Испании. И одними рыночными реформами сыт не будешь, поскольку сама по себе экономика – отдельно взятая хозяйственная подсистема – еще не определяет общественного устройства и образа жизни в стране. Рынок – он везде рынок. Но при одном рынке мы будем иметь Гитлера, а при другом рынке мы будем иметь Рузвельта и соответствующую политику.

Вроде бы давно пора (и об этом, кстати, много сказано и написано) переориентировать вектор наших реформ. Давно пора заниматься не только и не столько экономикой, в которую мы уперты, поскольку мы выросли в марксистской идеологической системе и остаемся теми самыми марксистами. Только у нас все знаки поменялись наоборот. Раньше мы строили коммунизм, теперь мы строим капитализм. А как мы это делаем? Ровно так же. Как коммунизм строили, так и капитализм строим. С тем же самым результатом. Поскольку о методах и средствах никто не думает, поскольку руководствуемся все теми же самыми экономическими догмами, которыми руководствовались при советской власти. Поскольку бытие у нас по-прежнему определяет сознание. У нормальных людей мышление определяет бытие. А когда мышления нет, тогда конечно, бытие определяет сознание. Вот этим и надо бы заниматься в первую очередь. В первую очередь надо озаботиться формированием гражданского общества и правового государства с соответствующими культурными и функциональными преобразованиями. Экономикой тоже надо заниматься. Я не говорю, что не надо выплавлять сталь, или строить дома, или производить станки. Все это вещи нужные и полезные. Но все хорошо на своем месте и в меру. И не надо абсолютизировать хозяйственную систему (а тем паче ее производственную составляющую) и думать, что все беды заложены в экономике. Разруха, как сказал классик, не в клозетах, а в головах.

Если бы американцы или французы 100 лет назад поставили себе определенную цель – организовать жизнь в своей стране точно таким образом, как она организована сегодня, то ничего подобного у них не получилось бы. И сегодняшняя жизнь была бы организована совершенно иначе. Не так, как она организована фактически. Поскольку процесс этот не искусственный и не естественный, а очень сложный искусственно–естественный процесс. То есть существует некая естественная эволюция общественной системы, на которую мы можем так или иначе искусственным образом воздействовать. И что у нас получится в результате – это, между прочим, вилами по воде писано, поскольку всякий материал (и в особенности материал человеческого общества, люди) имеет свойство сопротивляться любым извне идущим преобразованиям. Есть даже такая наука, которая называется "сопромат" – сопротивление материалов. Так вот, сопротивление материалов применительно к обществу есть вещь совершенно фундаментальная и не менее важная, чем сопромат в технике. Только науки такой пока нет. Да и вряд ли она мыслима в формах традиционной галилеевской науки, в каковых существует традиционная социология или экономика. Тут нужна наука принципиально другого типа.

Ниже приведена схема, разработанная в Московском методологическом кружке несколько десятков лет назад. Она получила название схемы "шага развития".

Слева внизу – сегодняшняя ситуация в той или иной сфере (в стране, в области) как она исторически сложилась, пришла к нам из прошлого. Справа внизу – ситуация будущего. И она может обозначаться как минимум в двух вариантах – с одним штрихом и с двумя штрихами. С одним штрихом – это будет ситуация, возникшая в результате перехода системы из состояния С1 в состояние С2 в порядке естественной эволюции. С двумя штрихами – это то, что я, выходя в управленческую позицию (сверху, в настоящем времени), хочу получить в результате своих искусственно–технических действий. Вот хочу, чтобы в России сформировалось, в конце концов, открытое общество. Примерно в таком виде, как я его пытался охарактеризовать. Это – С2 с двумя штрихами справа, в будущем. Итак, сверху – топ настоящего ("топ" – место в переводе с древнегреческого). Управленец всегда находится в настоящем. Только для него настоящее существует в двух смыслах, какими оно обладает в русском языке: настоящее сегодняшнее – в отличие от прошлого и будущего;

настоящее в смысле подлинности – в отличие от подделки.

Только для того, кто искусственно–технически относится к окружающему миру, к своему будущему, к своему обществу, к своей ситуации, только для него настоящее становится подлинным. А если он такого отношения лишен, если он наблюдает за происходящим, наблюдает за теми переменами, которые происходят в нем самом и в окружающем мире, как бы независимо от него, для такого человека настоящее стягивается в точку – на схеме внизу, на траектории естественного (Е) в отличие от искусственного (И).

И вспоминая о том, что существует сопротивление материала, можно совершенно точно сказать, что в будущем реальная ситуация в нашей стране будет обозначаться не С2 с одним штрихом, ни С2 с двумя штрихами, а С2 с тремя штрихами. Это не то будущее, которое было бы, если бы мы проспали все это время, и не то, чего мы хотим целенаправленно искусственно–технически добиться, и что заведомо не получится, а нечто третье, по поводу чего и говорится, что будущее открыто, пусто, неизвестно. Мы можем повлиять на это будущее, но не более того. Здесь есть принципиальная разница в отношении. Погоду прогнозируют, и мы каждый день слушаем прогноз

погоды по радио и думаем, брать зонтик или нет. Это отношение, соответствующее естественному течению событий. Погодой мы пока управлять не умеем. Нам приходится ее прогнозировать. Фаталистическое отношение к человеку и человеческому обществу предполагает ровно то же самое. Мы бессильны что-либо изменить в нашей жизни и в жизни нашей страны и можем только прогнозировать, что будет с Россией через 10 или 20 лет, или через год. А есть искусственное или искусственно-естественное (уже в зависимости от уровня нашей испорченности, от уровня нашей образованности, от уровня наших способностей и тех средств, которые мы освоили) отношение, в рамках которого будущее не прогнозируется, как погода, и не проектируется, как его проектировали большевики. "Хотим, чтобы было так. И нет таких крепостей, которые мы не можем взять. Хоть 20 миллионов человек умрет, но будет по-нашему." А есть некий искусственно-естественный подход, при котором мы можем повлиять на происходящее и сдвинуть траекторию общественного развития в желательную нам сторону. "Чтобы в России был фашизм," – сказал бы на этом месте Баркашов. Или чтобы в России было открытое демократическое общественное устройство – кому что нравится. Тогда и возникает политика, поскольку у всех разные понимания, разные цели, разные интересы. У каждого человека, у каждого региона, у каждого народа и т.д., и т.п.

Но если мы можем повлиять на этот процесс, то что мешает развитию гражданского общества в России? В первую очередь – мы сами.

Поскольку гражданское общество есть общество, которое самоорганизуется, организуется живущими в этом обществе людьми, которые приобретают тогда особый статус граждан. А мы не способны организовать гражданское общество. Вопрос: "Почему?". Мы что, дефективные? Что, русские хуже американцев? Или хуже немцев? Вроде бы нет. Даже есть такая точка зрения, что не хуже, а лучше. Что в России такой замечательный культурный, интеллектуальный потенциал, которого нет ни в одной стране. (Рассуждения насчет интеллектуального потенциала тоже наводят на мысль о том, что это за слово такое "потенциал" и стоит ли за ним какое-то понятие или это просто слово. Вроде бы потенциал по смыслу – это что-то такое, что может актуализироваться, что может быть задействовано. Вот раньше не было задействовано и тогда было потенциалом. И потенциалом было постольку, поскольку могло быть задействовано потенциально. Задействовали – получили ресурс, соответственно, на котором можем работать. А наш замечательный интеллектуальный потенциал почему-то все время остается в состоянии потенциала. Почему-то мы его никак не можем задействовать.

Так почему же у нас не формируется гражданское общество? Я полагаю, что основной причиной, которая мешает нам задействовать наш интеллектуальный потенциал, является советская ментальность, если толковать ее расширительно, в качестве так называемых стереотипов мышления. С точки зрения современной методологии "стереотипы мышления" – это "мокрый огонь". Потому что мышление имеет право называться таковым постольку, поскольку оно не соответствует никаким стереотипам. Если оно идет по стереотипам, то его мышлением называть нельзя. Это то, что называется "менталитет" – превращенная, "ставшая" форма мышления. Менталитет – да, у него свои стереотипы. Они в каждой стране разные. Поэтому есть российский менталитет. Есть французский менталитет. А мышление не бывает ни российским, ни французским. Оно везде мышление.

Таким образом, как бы мы не растекались мыслью по древу на тему о том, что же мешает становлению гражданского общества в России, я бы категорически настаивал на том, что основной ответ состоит в том, что мы сами мешаем. А все остальное – некоторые расшифровки, интерпретации, проекции этого основного ответа. Вот лишь несколько соображений.

Полезно различать коммунистическую идеологию, от которой мы в значительной мере избавились, по крайней мере, как от государственной, в 1991 году, и большевистский менталитет, который есть совершенно другая вещь, от которой мы по сию пору не избавились и, боюсь, еще долго не избавимся. И этот большевистский менталитет – это, по сути дела, и есть та самая система непосредственной реализации замыслов в противоположность длинной цепочке опосредований и сложной системы интеллектуального обеспечения принимаемых решений.

Это то, что Александр Моисеевич Пятигорский еще четверть века назад назвал интериоризованным тоталитаризмом. Тоталитаризм не вокруг нас, это не ГУЛАГ. Тоталитаризм у нас внутри. Это та самая монологичная организация мышления, которую замечательным образом демонстрировал Александр Глебович Невзоров в передаче "600 секунд". Если сравнить эту передачу с пятиминутками ненависти в книге Оруэлла "1984 год", то это ведь одно и то же. "600 секунд" – это были 12 минут ненависти "наших" по отношению к "не нашим". Вот этот "нашизм" – это и есть та самая большевистская ментальность ("Если враг не сдается, его уничтожают", "Кто не с нами, тот против нас" и т.д.).

Чем же отличается диалогичная организация мышления от монологичной? Диалог – это вовсе не сумма монологов. Диалогичная организация мышления и мыследеятельности предполагает, что мысль возникает в аудитории. Ее не приносят на листике или в памяти из дома, а она возникает в аудитории и в пространстве между людьми, ведущими между собой диалог. При этом культурная норма человеческого общения, культурная норма диалога такова, что если в ходе диалога возникают какие-то разногласия, то первое, что должны сделать его участники, – это поинтересоваться основаниями утверждения оппонента: "А на каком основании, Иван Иванович, вы утверждаете то-то и то-то?".

Почему же наше мышление монологично? Весь фокус в системе образования и в значительной степени – в системе средств массовой информации, поскольку именно они создавали и продолжают создавать советского человека, главной особенностью которого было и является полное отсутствие необходимости самостоятельно думать.

Принято считать, что человек есть как бы единство духовного и плотского начал. На этом построена вся традиционная философская антропология и все так называемые науки о человеке, по поводу которых Макс Шелер еще без малого 100 лет назад писал, что они не столько помогают нам понять, что представляет собой человек, сколько мешают. Ничего с тех пор не изменилось.

Георгий Петрович Щедровицкий предложил совершенно другую схему, согласно которой человека надо или можно мыслить как единство трех ипостасей: мыслящей самоопределяющейся духовной личности (то самое духовное начало), биологического организма (материальное начало), а между ними появляется третья ипостась, которой нет в классической философской антропологии, которая называется "социальный индивид".

Социальный индивид – это человек, который действует согласно своему месту в штатном расписании, который осуществляет в точном смысле деятельность в отличие от мыследеятельности. У него есть должностная инструкция. Он приходит на работу, делает то, что ему положено (тачает сапоги, вытачивает детали на токарном станке или перекладывает бумажки). Армия – замечательный пример социальной организации. Хочу сразу предупредить недоразумения: личность, социальный индивид, организм – это не классификация людей, а составляющие Человека. Каждый человек – и то, и другое, и третье одновременно.

Чем советский человек отличается от нормального человека? Тем, что у него духовное начало, самоопределяющая мыслящая личность отсутствует, срезана. Советская система строилась на том, что нельзя подниматься выше среднего уровня. Как только ты высовывался над этим уровнем, так тебе сразу голову отрубали, чтобы неповадно было высовываться. Либо ты двигался по стандартным траекториям комсомольской и партийной иерархии, либо тебе отрубали голову, если ты пытался двигаться другим способом. Поэтому, если обращаться к идеальным типам Макса Вебера, советский человек как идеальный тип – это "социобиоид". То есть это животное, социально организованное (по типу муравья или барана), которое самоопределяться не способно. Рефлексии у него нет. Он не может анализировать ситуацию и ставить цели, поскольку все это предполагает хорошо отработанную, поставленную рефлексию. Как у певца бывает поставленный голос, так у культурного человека бывает поставленная рефлексия. Это то, чего не было у светских людей. И то, чего в значительной степени нет у нас.

Что нужно для того, чтобы сделать из социобиоида нормального человека? Нужна нормальная система образования. Образование – это ведь не обучение. У нас до сих пор господствует представление о народном образовании на уровне XVIII века, как о системе наращивания объема предметных знаний. Будем знать теорему Пифагора; будем знать, что есть теорема Ферма, которая не доказана;

будем знать бином Ньютона и т.д. И чем больше такого рода знаний мы будем иметь, тем более культурными и образованными людьми мы будем. Однако образование состоит не в этом. Все эти предметные знания более или менее нужны в зависимости от того, чем мы занимаемся. Но образование есть образование человеческой личности. Образование есть образование или запуск основных интеллектуальных функций, присущих человеку:

- рефлексия;
- способность к мысли-коммуникации, к диалогу;
- способность к чистому мышлению;

- способность к мыслительно обеспеченному действию.

Будучи особым образом организованными, эти способности и обеспечивают то, что методологи называют "мыследеятельностью".

Если эти пять функций у нас существуют, работают, поставлены – мы люди, а если нет – мы социобионды и живем соответствующим образом.

Вот теперь можно перейти к вопросу о том, что же надо делать для того, чтобы содействовать формированию в России гражданского общества как важнейшей подсистемы открытого общественного устройства? Если мы хотим центрироваться не на рыночных реформах, с которыми мы уже нахлебались, а на формировании гражданского общества как необходимого условия формирования правового государства и открытого общественного устройства в целом, то нам нужно озаботиться решением некоторого количества задач. Это – регионализация, профессионализация в отличие от специализации, формирование политических партий и становление предпринимательства. (В скобках замечу, что предпринимательство и бизнес – принципиально разные вещи. Один из классиков политэкономии Иосиф Шумпетер в 1911 году выпустил книгу под названием "Теория экономического развития", где совершенно жестко развел эти вещи. Бизнесмен – это человек, который сам деньги зарабатывает, не работая по найму. А предприниматель – это человек, который меняет сложившиеся системы деятельности. При этом он тоже может зарабатывать деньги. И может даже зарабатывать в 10 раз больше, чем обычный бизнесмен, не в этом суть. А суть в том, что бизнесмен воспроизводит уже сложившиеся формы организации и системы деятельности и на этом зарабатывает деньги честным трудом в поте лица. А предприниматель зарабатывает совсем на другом.

Он зарабатывает на том, что создает доселе невиданные формы организации и не существовавшие ранее системы деятельности. Так вот, формирование предпринимательства, предпринимательского слоя в отличие от бизнесменов – это очень важная задача.) Другая проблема связана со становлением в России демократии участия ("Participative Democracy"). Она как бы дополняет предпринимательство. Предприниматель действует по своей инициативе, ставит цели и достигает их. А все прочие граждане в этом соучаствуют: поскольку затрагиваются их интересы в рамках любого проекта, любых преобразований, постольку они втягиваются в эту работу, соучаствуют в ней. Это как бы основная форма сегодняшней демократии – демократии конца XX века, в корне отличная от классической представительной демократии. Представительная демократия при этом оказывается только частным случаем демократии участия. Так вот, формирование демократии участия – это еще один процесс, без которого нам ни о каком гражданском обществе можно не думать.

Затем надо упомянуть процесс формирования правосознания и правопорядка, в отсутствие которых возникает явление, названное знаменитым французским социологом Эмилем Дюркгеймом "аномией". Аномия – это то состояние, в котором сейчас находится Россия.

Состояние распада ценностно–нормативной системы в обществе, когда старое распалось, а новое еще не успело сформироваться. Мы не первые в эту ситуацию попали. Сто лет назад Дюркгейм ее подробно описывал и анализировал. И писал он, между прочим, о том, что основной путь выхода из этой ситуации связан с идеей профессии и профессионализма.

И еще один процесс, о котором необходимо специально поговорить, – это формирование гражданской позиции. Или формирование граждан. Потому что главным препятствием к формированию гражданского общества в России являемся, повторю, мы сами. Поскольку мы, как правило, не граждане. У нас очень любят кричать о "не гражданах" в Прибалтийских республиках, которых там ущемляют по национальному признаку. И правильно об этом говорится. Но при этом упускается из виду, то фундаментальное обстоятельство, что в России граждан тоже нет. Поскольку гражданин – это вовсе не просто дядя, которого мы встречаем на улице. А это достаточно сложное социокультурное образование, которое надо специально и подробно обсуждать.

Еще один принципиальный вопрос, имеющий отношение к становлению гражданского общества, – развитие профессиональных сообществ. Надо различать специалистов и профессионалов. Специалист – это человек, имеющий диплом, где написано, что он закончил факультет журналистики МГУ или что угодно еще. И это далеко еще не профессионал, поскольку профессионал есть сложная структура, которая изображена на рисунке.

Одна точка – это специальность, которой обучают. Другая точка – тип деятельности. (Тип деятельности – это, например, аналитика, проектирование, программирование, изыскания,

историческая реконструкция, экспертиза и т.д. В этом ряду – все вещи, которым в вузах не учат. Нет такого предмета, как экспертиза, или такого предмета, как проектирование. Есть такие предметы, как физика или химия.) Третья точка, или вершина – это мыслящая и самоопределяющаяся личность. И если есть три элемента вместе взятые, то мы имеем одного отдельно взятого профессионала, одну яркую индивидуальность. Но один в поле не воин. Для того, чтобы было войско, для того, чтобы можно было говорить о профессионализме как о значимом социо–культурном явлении, надо нарисовать тетраэдр вместо треугольника. И эта четвертая вершина будет обозначать профессиональное сообщество в отличие от профсоюза. Если такого профессионального сообщества нет, то никакого профессионализма нет и не может быть. А могут быть только отдельно взятые яркие индивидуальности.

Союз журналистов в том виде, в каком он сегодня существует, не является профессиональным сообществом. Это, кстати, примерно то же самое, что авторы Зеленой книги называли "свободной корпорацией". На мой взгляд, надо говорить не о корпорации. Корпорация имеет совсем другие коннотации. А говорить надо о профессиональном сообществе, которого нам так не хватает. И может быть, идея Центра гражданской журналистики послужит прототипом такого профессионального сообщества.

Таким образом, до тех пор, пока у нас не возникнет слой предпринимателей, до тех пор, пока у нас не сформируется, не приобретет достаточные основания и соответствующие институты право (соответственно правосознание, правопорядок), до тех пор, пока у нас не произойдет подлинная регионализация России (в отличие от существующих 89 субъектов Федерации), до тех пор, пока у нас не сформируются подлинные политические партии (в отличие от того, что мы сегодня имеем с Жириновским и компанией), до тех пор, пока у нас не будет подлинных профессий и профессиональных сообществ (поскольку без профессионального сообщества профессия немыслима) – до тех пор не будет у нас ничего похожего на гражданское общество и открытое общественное устройство.

И последнее. О понятиях "информация" и "информационное общество". Для меня очень сомнительным является понятие "информационное общество". По этому поводу, если говорить очень коротко, тезис мой состоит в следующем: надо различать знания и информацию. А еще лучше поставить в один ряд понимание, знание о том, что мы можем понимать или не понимать, и информацию как третий член этого ряда. Так вот, это все разные вещи. И ни в коем случае их не надо смешивать. Если, в частности, говорить о знаниях и информации, то различие между ними состоит в том, что знания требуют понимания. Новое знание требует понимания, требует выработки определенного отношения к нему и требует построения способов употребления знания в нашей деятельности. Например, зачем мне знать, есть жизнь на Марсе или нет жизни на Марсе. Это никак на мою жизнь и практическую деятельность не влияет. И напротив, есть много известных и неизвестных вещей и, соответственно, знаний о них, которые я могу эффективно использовать в своей практической деятельности. А вот как их использовать – каждый раз надо соображать: готовых рецептов нет. Один раз в качестве средств. Другой раз в качестве целей. Третий раз в качестве культурных норм. Четвертый раз в качестве онтологических картин, представлений об окружающем нас мире и т.д. А что касается информации, то ее коренное отличие от знаний состоит в том, что она не требует понимания; она априорно предполагает наличие функционального места для употребления этой самой информации в системах деятельности. Вот у нас есть та или иная система деятельности. В ней есть дырки, в которые вставляется нужная информация. Вставляется и автоматически используется сообразно месту этой самой дырки в системе деятельности. Поэтому ни в коем случае нельзя смешивать знания и информацию.

Характерный пример информации – это информация о пожаре. Если в городе есть система обеспечения противопожарной безопасности, то вы набираете телефон 01, сообщаете адрес, и пожарники выезжают. Сообщение о пожаре – типичный пример информации.

Пожарникам понимать ничего не надо и думать не надо. Они автоматически едут по указанному адресу, зная, что там пожар. Если нет такой системы деятельности, как централизованная система пожаротушения, то не поможет вам звонок по телефону 01. Вам придется взять ведро и бежать на речку. И это – наша ситуация по поводу гражданского общества. Нам информация мало что дает, поскольку непонятно, что с этой информацией делать. Нам надо не только бежать с ведром на речку, но еще и соображать, как использовать полученные знания (в этой метафоре – принесенную воду) для пожаротушения, прекращения бардака в России и формирования гражданского общества. Это все еще надо придумать дополнительно. И в этом заключается принципиальное отличие знания от информации.

В известной мере то же касается понятия "средства массовой информации". Сильно сомневаюсь, что они должны мыслиться как средства информации. На мой взгляд, в идеале должны быть

средства массовой коммуникации. Только до этого нам еще лет 200–300 надо жить. Глядишь, они тогда и превратятся в средства массовой коммуникации. А сегодня это вообще Бог знает что: и не средства массовой информации по понятным причинам, и уж тем более не средства массовой коммуникации.

Поэтому информационное общество – это, вообще говоря, очень странная штука. Общество, которое основано на информации, т.е. на том, что все системы деятельности как бы функционируют в заранее заданном виде, и наперед известно, куда какую информацию поместить, в какую "дырку", и как она будет употребляться обществом, в котором не надо думать, и не надо понимать, – это, скорее всего, общество советского или фашистского типа. Это закрытое тоталитарное общество, а вовсе не открытое общество. Поэтому, по сути дела, сам термин "информационное общество", по крайней мере, двусмысленный. Понятно, что хорошо, когда есть системы Интернета, есть газеты, есть телевидение и т.д. Никто против этого не возражает. Но общество при этом отнюдь не информационное. Общество должно быть прежде всего мыслящее. Люди должны быть мыслящими. А информация есть подсобное техническое средство. И поэтому выносить "информационное" в название общества мне кажется крайне не симпатичным.